

УДК 82–95:821.111Мэзер

А. Л. ЦЕРКОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОТТОНА МЭЗЕРА

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь,
e-mail: alexander.tserkovski@gmail.com*

Показаны наиболее существенные характеристики американской литературы раннего колониального периода. Рассмотрены особенности поэтики и описана проблематика литературного творчества Коттона Мэзера (Cotton Mather, 1663–1728), видного представителя новоанглийской словесности XVII–XVIII вв. Анализируется его художественный стиль, делается вывод о том, что «массивный» стиль письма К. Мэзера формируется в синтезе различных жанровых тенденций, включении эпики, социологичности, документальности, мемуарности. Утверждается, что пуританский художественный мир подчинен строгим нравственным установкам, существует параллельно «ненадежной» и «туманной» истории человечества. Делается вывод, что в ядре такой системы ценностей лежит не только Библия, но и множественные мифы, созданные в контексте пуританского видения мира, описывающие варианты возможного развития истории человечества. Именно это «творение истории человечества» и лежит в основе пуританской парадигмы социального знания.

Ключевые слова: пуританская литература, ранняя американская литература, американская литература колониального периода, пуританская литературная рефлексия, Коттон Мэзер.

A. L. TSERKOVSKI

COTTON MATHER LITERARY HERITAGE

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus,
e-mail: alexander.tserkovski@gmail.com*

Author shows the most essential characteristics of the Early American literature in the article. Poetics special features of a prominent representative of New England literature XVII–XVIII Cotton Mather (1663–1728), his art style and problems of his literary creation have been described in the article. Author of the article concludes that C. Mather formed «massive» writing style in the synthesis of various genre trends included epics, documentaries, memoirs, etc. Author argues that Puritan artistic world subordinated to strict moral principles. It exists in parallel «unreliable» and «foggy» history of humanity. Besides, author concludes that in the core of such a system of values is not only the Bible but also multiple myths created in context of the Puritan vision of the world, describing the options for the possible development of human history. Such «creation of human history» is probably the cornerstone of a Puritan paradigm of social knowledge.

Keywords: Puritan literature, Early American literature, American literature of the colonial period, the Puritan literary reflection, Cotton Mather.

Многие исследователи (П. Миллер, С. Беркович, Л. Мишина, К. Баранова) отмечают, что истоки американской литературы следует искать в колониальном периоде истории США (1600–1776 гг.). Именно в это время начинают формироваться собственно национальные идеи американского общества, важной характеристикой которых является их гуманистический потенциал [1]. Анализ литературных трудов жителей Новой Англии, этой колыбели американской цивилизации, позволяет детализировать эпохальную картину зарождения новой государственности, новой нации, дает возможность описать культурно-исторический процесс генезиса и становления США.

Американская литература формировалась на мощном пласте новоанглийской словесности XVII в., когда бежавшие из Англии пуритане искали место для свободного исповедания своей

веры. Несмотря на то что все английские колонии в Северной Америке были достаточно аутентичными общественно-политическими образованиями (особенно нужно отметить поселения в Новой Англии, в частности, колонию Плимут, колонии в районе Филадельфии, Нью-Йорка, колонии Юга [2, с. 14]), регион Новой Англии был уникальным местом особого культуротворчества, в частности, благодаря высоким пуританским нравственным идеалам, образованности поселенцев, что вскоре привело к распространению печатной прессы, открытию Гарвардского университета и т. д.

Исследуя новоанглийское литературное наследие, важно учитывать тот факт, что пуритане придавали статус *мистической значимости* каждому событию, происшествию, символу. Сопоставляя фактическое и выдуманное, пуританская концепция бытия мира являет собой статичную модель философствования, когда свобода мысли подчиняется догматическому убеждению (например, мысль о *божественном промысле*). Чем больше пуритане исследовали реальность (известная протестантская рефлексия), тем более очевидным для них становился факт закономерности всего происходящего вокруг (идея *провиденциализма*).

Одним из ярких представителей новоанглийской словесности являлся Коттон Мэзер (*Cotton Mather, 1662–1727*)¹. Он был общественным деятелем в Новой Англии, богословом, проповедником, автором более пятисот сочинений, среди которых памфлеты, эссе, проповеди, стихотворения, автобиография, а также являлся членом Лондонского королевского общества.

Лишь недавно исследователи (Р. Лавелерс, Л. Кнопперс, С. Беркович, В. Солодовник, Л. Мишина, К. Баранова) начали обращать внимание на широкий диапазон художественных средств К. Мэзера, его чувство формы, работу над художественными элементами, очевидное движение к драматическому, развитое чувство поэтического ритма. Самой существенной стороной в этом вопросе, на наш взгляд, является выбор эстетики барокко К. Мэзером как наиболее подходящей к его мировоззрению форме художественного описания действительности.

К. Мэзер высоко ценил, хотя сам писал сложно, метафорично, простой стиль изложения, лишенный витиеватостей и сложных лексических конструкций. В то же время он хвалил «пронизывающее красноречие» возвышенной прозы: образность, которая очаровывает «шелковистой линией и золотым крюком» [3]. «У каждого человека будет свой собственный стиль», – пишет К. Мэзер [3]. Его проповедническая проза предельно строгая и выдержанная: «Массивный путь» (путь пуритан на новые земли, Новый Ханаан) он сравнивает с мраморным памятником, «большой музыкальной гармонией» или византийской «Золотой парчой», украшенной драгоценностями и «цветами выбора» [3]. Вместе с тем мы согласимся с Л. Мишиной, которая, изучая раннюю американскую литературу, предлагает использовать для описания стиля письма представителей Новой Англии термины *plain style* (ясный, простой) и *unplain style* (метафорический, усложненный) [4]. Фактический стиль (не тот, о котором он рассуждал, а тот, который он использовал в своих сочинениях) у К. Мэзера был, бесспорно, *unplain* – изобилующий метафорами, аллюзиями, сложными лексическими конструкциями, терминами из латинского и греческого языков.

К. Мэзер был предельно занят общественными обязанностями. Как глубоко преданный своему гражданскому и религиозному долгу человек он старался едва ли не всякую свою мысль записать, экстраполировать ее в будущее. В такой спешке и идеологических рамках он едва ли мог позволить себе в собственных письменных работах оттачивать совершенство формы слова (к которой относился с должной осторожностью), о чем он сам свидетельствует, регулярно принося извинения за поспешность, с которой пишет. Его подчас чрезмерный литературный педантизм, экспериментальное словоупотребление, использование всевозможных аллюзий, цитат, средств лексической изобретательности, высокого слога иногда граничат с графоманством, что местами делает труды К. Мэзера пафосными и трудночитаемыми. Такой стиль письма К. Мэзер выбрал не случайно, поскольку, по словам Л. Мишиной, «“Метафоры библейской истории” являются основой стилиевой манеры Коттона Мэзера – одной из ключевых фигур ранней американской истории и литературы» [4, с. 187]. Изобилие библейских метафор создает особую стилистику текстов К. Мэзера.

¹ Некоторые исследователи пишут его фамилию через «э» – Мэзер (К. Баранова, Е. Стеценко), некоторые – через «е», как, например, Н. Покровский. Мы используем вариант «Мэзер».

К. Мэзер писал в атмосфере консервативного кальвинизма, доминирующего в общественном сознании его предшественников и многих современников. Его предки защищали простоту языка, воевали против «вульгарного и напыщенного» слога англичан. Литературная особенность пуритан поколения К. Мэзера состоит в том, что языковые средства, которые использовали пуритане, были далеки от «божественной простоты», которую они культивировали. Это несоответствие желаемого и действительного стало вполне очевидным после Великой Реставрации в Англии, когда простой стиль изложения мысли попал под удар от сторонников других протестантских деноминаций, генетически связанных с пуританами.

Пуритане уделяли много внимания методам ведения проповеди, постоянно оттачивали свое ораторское мастерство, тренировались письменно прославлять Бога, что, конечно, развивало их чувство литературного стиля. Они проповедовали не только устно, но и при помощи письменных сочинений. Такой взгляд на жизнь в сочетании с провиденциальностью мышления наделял в сознании пуритан каждое человеческое и естественное явление символическим содержанием, где вещь сама в себе, любое действие или происшествие несут глубочайший божественный смысл, цель которого заключена в посвящении жизни человека Богу. Как отмечает Л. Мишина, «метафоричность в произведении Мэзера не декоративна, она не менее значима, чем факты биографии... Источники образности для автора – Библия и история протестантизма» [4, с. 187]. Но кальвинистская система логических доказательств требовала от пуритан дополнительных аргументов для подтверждения доктрины провиденциализма. Тот макрокосм, который создавали в своих произведениях пуритане, базируется на весьма вольных библейских интерпретациях, соединяющих в единое целое священную (библейскую), художественную и светскую истории человечества.

В литературоведении остается открытым вопрос об уровне художественного мастерства К. Мэзера. Исследователи (П. Миллер, С. Беркович, Л. Мишина, К. Баранова) спорят о литературном статусе знаменитого проповедника и ученого. Тяготение к беллетристике отчетливо выражено в творческой динамике его работ, которые раскрывают читателю художественные взгляды К. Мэзера. Но самый серьезный вклад в литературу доктор К. Мэзер внес своими трудами в документальном и документально-художественном жанрах.

Внутреннее чувство эстетического постоянно вытесняет К. Мэзера за границы собственно пуританской этики. Оставаясь строгим религиозным консерватором в богословских вопросах, он ведет смелую, но вместе с тем выдержанную в духе пуританской риторики работу по развитию и обогащению художественной палитры собственного словотворчества. Впрочем, П. Миллер упрекал, например, «Христианского философа» (*The Christian Philosopher, 1721*) К. Мэзера за отсутствие оригинальных идей, отмечая некоторую вторичность этой работы: «...по большей части это парафраз новейших для того времени попыток сделать науку религиозной» [6, р. 441]. С точки зрения истории литературы работу К. Мэзера «Христианский философ» (*The Christian Philosopher, 1721*), предвещающую написание основного труда автора «Великие Деяния Христа в Америке» (*Magnalia Christi Americana, 1702*), можно рассматривать как первую попытку писателя вплести в повествовательную ткань своих работ символические образы.

В дополнение к «Песням Искупленного» он записывает гимны английского священника, теолога и поэта Исаака Уоттса (*Isaac Watts*), создает трактат о мелодиях и звуках, в котором дает комментарии о несовершенстве формы знаменитой Массачусетской книги Псалмов (*The Bay Psalm Book, 1640*) и (в предисловии к собственному переводу Псалтыря) детально исследует возможности английского языка для стихосложения [7]. К. Мэзера можно рассматривать как одного из первых литературных критиков собственно пуританского литературного наследия.

Разумеется, тексты К. Мэзера не указывают на его стремление к созданию собственного художественного мира, желание автора выйти за границы пуританского видения литературного творчества; они указывают на более убедительный факт: на сложное, сформированное большим читательским опытом и опытом написания гимнов, стихов, памфлетов и других работ чувство литературного стиля, понимание границ художественного и нехудожественного. Его внимательность к форме произведения свидетельствует о высоком уровне знаний К. Мэзером истории литературы, что проявляется в разнообразном, смелом использовании риторических приемов в его проповедях.

Можно утверждать, что К. Мэзер оставался верным своим духовным учителям в вопросах стиля: у него преобладал высокий слог написания памфлетов и гимнов. В «Ежедневнике» («*Quotidiana*» – записи, в которых он фиксирует особо значимые для него места из читаемой литературы) можно проследить умение автора играть словами, составлять анаграммы и пересказывать анекдоты, его особый интерес к эзотерическим вопросам. Мысль проповедника стремится к единому центру – пуританскому видению устройства мира, которое предполагает осознание собственной картины бытия не только посредством веры в Высший Разум, но и с помощью анализа научных знаний. Об этом Н. Покровский пишет так: «Религиозное рвение, не знавшее границ и удержу, вбирало в себя и естественнонаучные интересы К. Мэзера, заставляя его расширять научный кругозор в различных областях современного ему знания, дабы усилить позиции «истинных» пуритан» [8, с. 156]. Такой синтез знания и веры составляет непростую философскую стратегию: в попытках примирить эту противоречивую философскую модель с нарастающим секуляризмом пуритане разрывают (следуя за Кальвином) внутреннюю логику христианства, позволяя себе свободно трактовать многие события из Священного Писания, что в конечном счете приводит к активному мифотворчеству.

Посредством столкновения *предполагаемого и действительного* в художественном мире своих сочинений пуританский автор стремился вовлечь неверующего или иноверца в столь изменяющийся, но строго детерминированный «вселенский ход истории», т. е. спасти его от вечной смерти. Таким образом, происходит переоценка новозаветной задачи Христа как «пути, истины и жизни»: в своем религиозном рвении пуритане придавали особое значение именно «чистоте» своей веры, а не самим словам Христа. В такой модели провиденциального описания окружающего мира пуритане видели божественный промысел, который, по их мнению, самым естественным образом сочетается с законами природы. На наш взгляд, в работах К. Мэзера можно наблюдать процесс формирования собственно художественной идеи ранней американской литературы. Как отмечает литературовед О. Хомякова, «в отличие от научной идеи (умозаключения) художественная идея – это мысль в образной форме, мысль, исходящая из образа. . . Писатель дает материал для мыслей и чувств, но <...> не часто высказывает их в “чистом виде”» [9, с. 30]. Так, например, у К. Мэзера это культивируется в «Христианском философе» или декларируется в рамках моральной эсхатологии в «Добрых делах» (*Bonifacius, 1710*). В «Чудесах невидимого мира» (*Wonders of the Invisible World, 1693*) он пишет: «Пустыня, через которую мы бредем к земле обетованной, кишит огнедышащими крылатыми змиями. Но по милости господней ни один из них до сих пор не набросился с яростью на нас и не остановил наше продвижение вперед! Весь наш путь на небо происходит подле логовища львов и скопищ леопардов, несметные сонмы бесов подстерегают нас на нашем пути... Мы всего лишь жалкие скитальцы в мире, который стал и заповедным угольем, и узилищем дьявольским, и где в каждом закоулке – обиталище чертей и разбойничьих банд, назначение которых – чинить вред всем, кто обращает взор свой в сторону Сиона» [10, т. 1, с. 170].

Но наиболее полно эти позиции пуританства воплощены в самой большой и знаменитой книге К. Мэзера «Великие деяния Христа в Америке» (*Magnalia Christi Americana, 1702*), над которой он трудился в период с 1693 по 1697 г. (исследователи называют это время наиболее плодотворным в его литературном развитии) и издал в 1702 г. В этом грандиозном сочинении реальные исторические персоны и события описываются автором словно вымышленные. Говоря о каком-либо факте биографии современника, автор сопрягает реальность со своей творческой фантазией. Именно поэтому «Деяния» с трудом можно назвать хроникой или летописью. Эту художественную особенность «Великих Деяний Христа в Америке» российский литературовед Л. Мишина, называя К. Мэзера историком, описывает так: «...пуританский историк был обязан писать о конкретном и в то же время проводить определенную идею. Сочинение его должно было быть пронизано религиозностью и дидактизмом» [11, с. 292]. Художественное выражение этой «определенной идеи» и является объектом интереса литературоведов.

Эпическая форма выражения мысли стала чрезвычайно подходящей литературному замыслу К. Мэзера. Понимание этого факта естественным образом выросло из набожной эйфории его политических проповедей. «Деяния», по мнению К. Мэзера, описывают колониальный дух времени «от своего древнего происхождения до последнего конфликта с Антихристом» [12, р. 384],

историю становления государства Нового Иерусалима. Этот взгляд на историю позволяет провести нити типологической взаимосвязи между иеремической риторикой апологетов пуританства в Новой Англии и апокалипсическим пафосом протестантской церковной литературы. По К. Мэзеру, как «Энеида» повлияла на Рим, так и «Деяния» должны были повлиять на молодую нацию. Так, эпическая форма представляется К. Мэзеру лексическим полигоном для испытания художественных средств выразительности.

Богослов скрупулезно и с нескрываемой интеллектуальной радостью выстраивает в своих «Деяниях» линию библейских образов и метафор (часто пересекающихся с художественной литературой, мифами и историческими фактами), на которой сконцентрированы исходная, промежуточные и конечная точки христианской модели мира (от описаний Рая до предсказаний о наступлении «Золотого века»), пишет миф о жизни человека в этом мире, используя всю доступную его таланту палитру художественных и внехудожественных средств, создавая тем самым уникальный в своем роде историко-литературный труд.

Старая земля, по мнению К. Мэзера, ко времени написания «Деяний» оставалась местом, на котором негласно были провозглашены законы и устои дьявола, поэтому Бог проявит свое всемогущество и любовь к роду человеческому (аллюзия на книгу Иова из Библии), когда «в полноте времени» Он приступит к реформированию церкви (в контексте – римско-католической). Так, самым ярким свидетельством трансформации христианской церкви К. Мэзер видел в феномене протестантской Реформации. Проповедник был убежден, что путешествие пуритан в Америку было божественным предназначением этой «чистой» конфессии «истинных христиан» [2]. Эта «навигация Духом», как пишет автор «Деяний» (говоря о деятельности первых поселенцев-христиан на берегах будущих США), есть трансцендентная точка всего исторического развития человечества, из чего можно сделать вывод, что К. Мэзер в своих сочинениях наделял современников принципиально особой значимостью: «Христос избрал Своих преданных слуг (*m.e. пуритан.* – *А. Ц.*) и направил их на Запад, в Американскую пустыню, для того чтобы утвердить и провозгласить Свою силу в верных Ему, вначале первых из избранных, позже – последователей этих первенцев... и через это избранничество даровать миру образец» [13, р. 631].

«Я не утверждаю, что Церкви Новой Англии самые правильные из всех возможных, и тем не менее, говорю я, и я уверен в этом, что они весьма напоминают те, что существовали в первые века Христианства... Первый век был Золотым веком; возвращение к тем временам делает человека Протестантом и, я добавлю, Пуританином. Так случилось, что Господь наш Иисус Христос перенес несколько тысяч Реформаторов в уединение американской пустоши, имея в виду, что сама возможность, данная сим преисполненным верою случаем Его наслаждаться всю жизнь бесценной свободой Проповедничества среди многих соблазнов. Он дал им вначале и всем другим через них широкий выбор благих дел, в кои он включил создание Его Церквей; и деяния сии, даже и не завершенные, отметили предназначение Новой Англии и цель ее возвращения; а по сему Плантация не может вскоре после случившегося прийти ни к чему» [14, р. 67–68]. В этих рассуждениях мы видим классический для пуритан прием апелляции к авторитету Бога: «Господь наш Иисус Христос перенес...», «Он дал им...». Такой подход к анализу исторических событий весьма характерен для К. Мэзера. Этот прием он использует и в «Великих Деяниях Христа в Америке». Здесь сама история, ее ценность и значимость описываются с позиции провиденциализма: что предназначено Богом – то случится. Так, вневременной и внепространственный, сакральный статус Новой Англии К. Мэзер подчеркивает восклицанием: «Где бы ни существовала Новая Англия, она должна жить в Истории!» [7, р. 68]. Здесь Новая Англия выступает как идея, как образ, опорный смысл жизни верующих, вбирающий в себя реформаторское учение и исторические реалии.

Несмотря на кажущуюся фрагментарность, отрывочность этого монументального труда, общее впечатление о книге остается как о едином, имеющем свою внутреннюю логику, завершенную композиционную структуру и повествовательную красоту произведения.

Противоречия в самом пуританизме, пересмотр его ортодоксальных ценностей, секуляризация жизни во второй половине XVII – середине XVIII века, идейная борьба теологии и философии стали причиной существенной трансформации общества в Новой Англии. Одним из наиболее трагичных событий, вызвавших обострение социальных отношений, стал так называемый Салем-

ский процесс. Но К. Мэзер не прекращает борьбу за пропаганду в обществе своих религиозных убеждений. Богослову уже не принципиально, будет ли Новый Иерусалим воздвигнут на некогда благодатной почве Новой Англии или эта мечта воплотится где-то еще. Теперь его основная задача – сохранить славное имя отцов нового пуританизма, максимально описывая и идеализируя их вклад в жизнь современного ему общества. Как отмечает М. Коренева, «тенденция пуританских хронистов к отвлеченным философским и религиозным размышлениям и глобальным обобщениям превращала их записки в некое причудливое соединение исторической хроники и теологического трактата и наполняла их библейской метафорикой и усложненной риторикой. Однако эти особенности пуританской литературы нельзя рассматривать только как свидетельство ее ограниченности, замкнутости на схоластических штудиях и отрыва от реальной практики. Здесь несомненны подвижнические усилия совладать с расстилающимся перед европейцами варварским миром, освоить его с помощью выработанной ими понятийной системы. Отсюда – драматическая напряженность и мысли, и стиля новоанглийских хроник, не только не спадающая по мере распространения цивилизации на Американском континенте, а, наоборот, усиливающаяся к концу XVII в., возможно, из-за нарастающего противоречия между пуританскими идеалами и действительностью» [2, с. 141].

Логические и собственно художественные методы аргументации (*apodeixis*) в публицистической литературе играют важную роль, ведь от того, насколько доказательной будет текстуально или вербально оформленная мысль, зависит успех или неудача публициста. Публицистические сочинения К. Мэзера в основном можно разделить на три взаимозависимых темы: церковь, государство, наука. Следует отметить, что ввиду сложившихся общественных отношений в Новой Англии времен К. Мэзера, в частности, проповеди имели не только дидактический, но и декретный характер: многие из положений о социальном устройстве власти колонии использовали в своей административной деятельности. Но усилия К. Мэзера не могли сдержать возрастающий напор секуляризма как в науке, так и искусстве и общественной жизни. В Новую Англию приходило время западного Просвещения.

Говоря о литературном наследии К. Мэзера, нельзя не упомянуть его поэтическое творчество и его критические заметки о поэзии. В целом, пуританская поэзия достаточно разнообразна: в ней можно встретить много тем, нетривиальный багаж художественных средств выразительности. Это подчас удивительно разнообразные по тематике и поэтике произведения, несмотря на очевидную тематическую (религиозную) направленность. В текстах К. Мэзера можно встретить рифмованное описание индейцев, кошек, луны, дикой природы, бурь, сельского хозяйства, садоводства и др. Пуританскому стихосложению в целом свойствен достаточно широкий жанровый диапазон, который включает в себя баллады, гимны, элегии, куплеты и прочие как оригинальные, так и переводные произведения античной и классической поэзии.

Отдельного анализа заслуживает тема пуританского юмора в литературном творчестве К. Мэзера. Юмор в самом широком смысле проявился в поэзии в виде каламбуров, анаграмм, сатирических памфлетов. Однако К. Мэзер, особенно в своих ранних стихах, предпочитал ограничивать свою поэтическую практику почти всегда утверждением религиозных истин, часто высмеивая и опровергая заблуждения неверующих или иноверцев.

К. Мэзер написал много стихов, но они не снискали большой популярности среди читателей. Его желание ограничить тематический диапазон своих поэтических произведений было связано не с отсутствием творческого потенциала и эстетического вкуса (он великолепно знал античную литературу, в частности, много цитировал Вергилия и использовал его образы, восхищался талантом А. Брэдстрит), а с опасением увлечься литературным творчеством, заместить внутренний мир религиозного созерцания миром художественных образов, что впоследствии, по его мнению, сможет привести к отходу от его роли слуги Бога и привлечению темных духов: «В библиотеке среди нас живут силы тьмы, из которых поэты – самые многочисленные и самые язвительные авторы. . . Сын мой, не прикасайся к этим жалким каракулям безумцев, не пробуй их, не обсуждай их, если не хочешь погибнуть от них. . . Мерзкие рапсодии, которые ты найдешь в этих книгах, заразят твой ум» [3, р. 686].

Внимания требуют также его отдельные высказывания о некоторых аспектах теории литературы. Например, рассуждения о понятии *поэтика* (в *Manuductio ad Ministerium, 1726*) демонстрируют не только глубокое знание литературы, но и хороший эстетический вкус К. Мэзера.

В сочинении, несмотря на предупреждения об опасности пропаганды языческого мировоззрения, он решительно рекомендует к прочтению знаменитую «Поэтику» Горация и часто отмечает красоту греческой и латинской поэзии (которую мог читать в оригинале). Далее он отмечает особенности поэтического дара Герберта и английского поэта Мильтона [15]. Несмотря на то что К. Мэзер писал много стихов и гимнов для прославления великого христианского прошлого Европы и еще более великого, по его убеждению, христианского будущего Новой земли, его собственный стих редко возвышается над посредственным.

Таким образом, в своих работах К. Мэзер, оставаясь в рамках строгой пуританской этики, склоняется к художественной гиперболизации описываемого. Его стремление совместить литературное творчество и стоящее за ним религиозное понимание сущности явлений природы и человеческих чувств несет в себе важное эстетическое объяснение его «массивного» стиля.

Апелляция к божественному авторитету стала постоянной чертой его сочинений. Насквозь идеализированный мир К. Мэзера – это безграничное поле действия провидения, выражение верховной воли Бога. Идея *избранности* выступает как мощное объединительное начало для пуританского сообщества.

Отличительной художественной особенностью К. Мэзера стало его мифотворчество («Деяния»), создание новой религиозно-исторической картины мира.

Стиль К. Мэзера предполагает наличие в его книгах множества аллюзий к библейским сюжетам, что и создает наряду с его вымышленными, исключительно личными домыслами особое индивидуальное пространство для эпической темы. Его педантизм и риторические приемы (игра слов и парадокс, частое повторение ключевых слов, метафоризация имен собственных) функционируют здесь не только для того, чтобы передать читателю эсхатологические положения пуританской парадигмы, но и для того, чтобы приспособить само понятие времени и хода истории к пуританской максиме, т.е. создать на базе христианской религии миф о Новом Иерусалиме в пределах Новой Англии.

Литературная деятельность К. Мэзера заложила наряду с некоторыми другими сочинениями пуритан Новой Англии основу для развития пуританской философии и литературы XVII в.

Список использованной литературы

1. Баталов, Э. Я. Русская идея и американская мечта / Э. Я. Баталов. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 384 с.
2. История литературы США: Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. Том I / редкол. Я. Н. Засурский [и др]. – Изд. «Наследие». – М., 1997. – 830 с.
3. Mather, C. Magnalia Christi Americana: Or, The Ecclesiastical History of New New-England / C. Mather. – Vol. 1. New England, 1855. – 680 p.
4. Мишина, Л. А. Американская литература XVII века. Проблема стиля / Л. А. Мишина // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 184–188.
5. Lovelace, R. F. The American Pietism of Cotton Mather: Origins of American Evangelicalism / R. F. Lovelace. – Grand Rapids, Mich.: American Univ. Press, 1979. – 350 p.
6. Miller, P. The New England Mind: the Seventeenth Century / P. Miller. – New York, – 1954. – P. 471/
7. The Cambridge history of American literature. Vol. I. 1590–1820. General Editor: Sacvan Bercovitch, Harvard University. – Cambridge Univ. Press, 1994. – 780 p.
8. Покровский, Н. Е. Ранняя американская философия. Пуританизм: учеб. пособие для гуманит. фак. ун-тов / Н. Е. Покровский – М.: Высш. шк., 1989. – 246 с.
9. Хомякова, О. Р. Теория литературы : содержание и форма как категории понимания : пособие / О. Р. Хомякова. – Минск: БГПУ, 2006. – 72 с.
10. Паррингтон, В. Л. Основные течения американской мысли / В. Л. Паррингтон. – М., 1962. – Т. 1–3.
11. Мишина, Л. А. Американская литература XVII–XVIII вв. Жанры. Взаимосвязи. Переводы / Л. А. Мишина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 300 с.
12. Mather, C. «Of Poetry and Style», from *Manuductio ad Ministerium* in *The Puritans*, ed. Perry Miller and Thomas H. Johnson / C. Mather. – New York: Harper and Row, 1963. – P. 686.
13. American Literature, 1607–1885 Text. – Vol. I. – New York: Univ. Press of the Pacific, 1970. – 462 p.
14. Sources of the American Mind. A collection of documents and texts in American intellectual history. – Vol. 1. / Ed. by L. Buritz. – New York, 1966.
15. Images for myself: Cotton Mather in his diaries (1724) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.people.fas.harvard.edu/~bercovit/articles/Cotton_MWoEAL.pdf. – Date of access: 24.11.2013.

Поступила в редакцию 10.03.2015